

Вадим Чирков

Субстаныч

В том южном Городе, который я в одном рассказе назвал Веселым, все-все-все пишут стихи. Стихи в нем пишут:

Повар, врач, художник, пекарь,
Слесарь, токарь и столяр,
И учитель, и аптекарь,
Гробовщик, портной, маляр,
Банщик, мэр, швея, сапожник,
Часовщик и музыкант,
Парикмахер и пирожник...
И, в надежде на талант,
Пишет их официант
На салфетке, на бегу,
К трем столам неся рагу...

Я потому перечислил стихотворцев в рифму, что и сам, конечно, как все, стал писать там стихи. Это – писание стихов – было обязательно. Если бы я не начал писать их, меня бы там в упор, что называется, не видели, ни в каком доме не принимали, ведь поговорить-то, в сущности, со мной было бы не о чем.

О погоде в том Городе, конечно, тоже говорили, но предпочитали стихотворной строкой:

Как Вия веки, тучи тяжелы,
И Солнца взгляд и зол, и искрометен...

Такова этого города особенность. Вполне вероятно, из глубины земли под ним идет какое-то излучение, что вызывает у его жителей стихотворный зуд. А может быть, сам Пушкин заразил одесситов своей «высокой болезнью», посвящая стихи Елизавете Ксаверьевне Воронцовой, в которую был влюблен.

Смешно, но даже местный выпивоха, направляясь в известное заведение, бормочет:

Свет струится неземной
Из окна моей пивной...

А когда в тамошней гостиной вдруг произносится слово «политика», поэты – других, как я уже говорил, в том городе просто нет – механически начинают искать рифму к нему и быстро находят: «Идите-ка...». На этом обычно разговор о политике прекращается, но кто-то уже наборматывает стихотворение с этой самой точной рифмой и потихоньку заносит его в блокнот...

Ну, этот текст шуточный, хотя всё, что было сказано о Городе, чистая правда, – а я настроен на серьезное.

*

Я вышел в мир, едва зачавший утро,
Один. Один – и все со мною. Ты,
Незримая... Минуту за минутой
Перебирают пальцы темноты.
Душа – еще поэт, а не прозаик –
Не прячется ни в платье, ни в пальто,
Но знает мир, как больше не познает,
А может быть, не познавал никто.
Легка, чиста еще первооснова,
И в сердце – нет сомнений, нет заноз,
Еще никто не тронул сути слова,
Его никто еще не произнес.

До написания этого изумительного стихотворения Игорем Павловым еще несколько десятков лет, а пока...

А пока мы сидим с ним на скамейке Александровского сквера, где-то году в 60-м прошлого века, летом, в июне...

Мы с Игорем оба бедны, но если он беден *абсолютно*, то у меня в кармане всегда находятся трояк-пятерка, и когда мы случайно встречаемся-сталкиваемся на Пушкинской или Преображенской, непременно спускаемся в белокафельный винный подвальчик и выпиваем там по стакану-другому «смеси», смеси сухого и крепленого вина, которой в те годы освежали глотки и мозги одесситы. После этого мы идем в Александровский сквер, садимся на скамейку и начинаем тот или иной интереснейший разговор.

Бедны были мы с Игорем, бедно было все наше окружение, и ясно, что тема заработка волновала наши умы. Часто говорили в компании о том, например, что за киносценарии платят бешеные деньги... Ага! Кому ж еще писать их, как не нам, связавшим жизнь со словом, с сюжетом, метафорой, с неожиданным ходом мысли, на какой горазд этот южный Город!

И вот, сев на скамейку, Игорь предлагает мне немедленно взяться за киносценарий.

– Есть идея, сюжет? – спрашиваю я. – Давай их сюда. Я тоже включу мозги, будем развивать. Скроим план – и поехали!

– Кто ж так пишет сценарии! – пылко возражает Игорь. – Их сейчас пишут так: я сообщаю первую строчку, ты – вторую. И – поехали, как ты говоришь. Вот моя... – Игорь смотрит направо, налево, что-то замечает и произносит первую строчку будущего киносценария: «По аллее сквера бежал, размахивая пухлым портфелем, молодой человек...». Теперь твоя очередь...

Молодой человек с пухлым портфелем действительно пробежал мимо нас и, попав на улицу, тут же свернул налево и исчез.

– Ладно, – говорю я. – «За углом его поджидали двое мужчин в кепках, руки в карманах».

– Это Голливуд, детектив. Стрельба, мордобой. А сейчас мода на физиков и лириков. На ветку сирени, которая стучится в окно. Мне нужна другая строчка.

Я недолго думаю, потом мотаю головой:

– Что-то сегодня не до ветки сирени. Какая-то ерунда мельтешит вместо нее. Мне нужна все-таки идея. Пусть хоть сперва

туманная, после туман разгоним. И вообще, думаю, так сценарии не пишут.

Мы немного спорим, но чье-то время уже вышло, жмем друг другу руки и расходимся. Сценария не получилось, и в последующие годы мы его, сидя на скамейке в сквере, не придумаем.

Не знаю, кем работал тогда Игорь, то есть где зарабатывал на хлеб. На хлеб, уточню, без масла. С килькой, например. Был, например, маляром? Выполнял какие-то мелкие художнические работы? Стучал молотком?.. Почему-то это – работа каждого – нас не интересовало. Нам было о чем поговорить. Ахматова, Блок, Маяковский («накачанные поэтические мускулы»), Олеша, «...По рыбам, по звездам пронесит шаланду...» Багрицкого, редко долетавшие до нас строчки Пастернака...

Но, кажется, Игорь одно время рисовал портреты... покойников. В своем районе он, успев поучиться на художника, чисто случайно слепил себе удачную рекламу. Как-то из крохотной фотографии умершего старика он сделал по просьбе сына этого старика портрет маслом: неважный, понятно, но – холст, но – масло, но – рамка. «Патрет!» Знакомому работа понравилась (в музеях он не бывал даже на экскурсиях, организованных предприятием), и сын покойного стал показывать портрет соседям. Тем тоже захотелось увековечить своих предков, от которых остались плохонькие фотографии, где лицо было иногда с копейку, и наш районный портретист некоторое время был и занят, и обеспечен заработком. За работу он получал то небольшие деньги, то продукты: картошку, вяленую, соленую или свежую рыбу, даже муку и сахар, даже вино и сало – это зависело от того, кем был заказчик. И тогда в его комнатухе – начинался пир, на который приглашались люди Круга, поэты, которых не печатали, художники, чьи холстов никто не покупал.

Веселый зубоскальский треп вдруг переключался на виновника события и получал неожиданное направление. Игорь был отчеством Иванычем, отсюда и шло состязание приятелей-зубоскалов: Гурманыч, Диваныч, Румяныч, Хоттабыч-Хотябыч, Сатирыч (отличался едкими характеристиками имярек), Посапыч, Растяпыч (вечно безработный, плохо одетый), Спи-

ритыч (был членом нескольких спиритических обществ), Субстаныч (стихи его – некая субстанция, витающая над ним ночами, одной из ночей он написал 70 стихотворений!), тут же Сутаныч...

Избяныч (темная комнатешка с небелеными стенами и потолком), Усталыч, Задирыч... И наконец – Дьяблов (от Павлова), что тоже подходило – как и все перечисленные – к внешности и манере поведения Игоря, не избегавшего в разговорах инфернальных тем.

(Прозвища взяты из книги Ефима Ярошевского «Провинциальный роман-с», хотя многие я слышал в доме Игоря или от завсегдаев его дома.)

Читались стихи, свои и чужие. Свои не имели никакого отношения к жизни и беднейшему быту Круга – в них царили любовь, полет, облака, что-то парящее над головами поэтов: «Ты пришла, озарив этот вечер...», «Охота близится. На лис...» (Какая охота? Какие лисы? – В. Ч.), «В недрах слов, в глубинах подсознания Таятся ослепительные зданья...». Это, конечно, Ярошевский.

Я в начале говорил о манере Игоря работать по наитию, без видимого сюжета. Он родил все же сюжет – и какой! Усталыч не согласился с трагической судьбой Сизифа – вкатывать и вкатывать на вершину горы тяжеленную глыбу камня, который непременно загремит к ее подножию (может быть, увидел краем сознания свое с Сизифом родство?), не согласился и рассказал в стихотворении о непростительном просчете греческих богов: камень, летя с горы и бьась о скалы, терял все больше от своих боков, трескался и в конце концов рассыпался на мелкие осколки!

Хоть вноси поправку одесского поэта Игоря Павлова во все тексты, где говорится о Сизифе!

Я приехал из Кишинева в Одессу и зашел к Игорю. Картина, которую я увидел, открыв дверь, была прелестна. Старый диван развален, посередине его возлежит Игорь, к нему припали три молоденькие девицы, Игорь вещает что-то такое, от чего девицы млеют.

Мэтр, златоуст! Пух на голове, впалые щеки, беззубый. Святой! (Или, может, Дьяблов, по Ярошевскому?)

Я присел на диван (широкоплечий, с целыми зубами, хорошо одетый), чуть возмущился несоответствием обожания Избяныча юными созданиями и слегка погладил голую ножку одной из девиц. Как она фыркнула! Каким гневным взглядом меня окатила! Как нежно снова припала к плечу Субстаныча!

Действительно – кто он такой, этот кишиневец? Еще неизвестно! А вот он, он, Игорь, «чья душа еще поэт, а не прозаик», он любим, чтим, обожаем!..

